

ДИСКУССИЯ

Принцип непосредственности восприятия: критическая оценка

Андрей В. Никулин

Университет Бразилиа, Бразилиа

Аннотация. В статье критически обсуждается гипотеза Дэниела Эверетта о существовании когнитивного ограничения, известного как *принцип непосредственности восприятия*, свойственного (согласно этой гипотезе) индейцам пираха. Особое внимание уделено лингвистическим фактам, на которых основывается эта гипотеза, в том числе связанным с вопросами о наличии в языке пираха отдельных типов вложенных конструкций (вложенных посессивных конструкций, придаточных предложений, конструкций с глаголом речи с отношением подчинения). Кратко пересказывается дискуссия о языковых особенностях пираха и их связи с рассматриваемым принципом, начатая группой лингвистов в 2009 году, а также обсуждаются некоторые аспекты исследования языков монолингвальных сообществ и интерпретации данных, полученных исследователями в таких сообществах. Автор статьи приходит к выводу, что аргументация Дэниела Эверетта не обладает силой, достаточной для признания валидности принципа *непосредственности восприятия*.

Контактная информация: Андрей В. Никулин, andre.n.guzman@gmail.com; Programa de Pós-Graduação em Linguística (PPGL) — Departamento de Linguística, Português e Línguas Clássicas (LIP) — Instituto de Letras (IL) — Univeridade de Brasília (UnB) ICC Sul — B1 72 (mezanino) — Campus Darcy Ribeiro Asa Norte — Brasília, Distrito Federal 70.910-900 Brasil.

Ключевые слова: пираха, принцип непосредственности восприятия, вложенные конструкции, рекурсия, универсальная грамматика

© 2018 Андрей В. Никулин. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0. всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Статья частично основана на материалах более раннего послесловия к книге Д. Эверетта: Никулин А. В. Насколько необычен язык пираха? // Д. Л. Эверетт. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. После-словие. М.: Языки славянских культур, 2016. С. 325–340.

Благодарности. Автор высказывает благодарность фонду CAPES (Coordenação de Aperfeiçoamento de Pessoal de Nível Superior) за аспирантскую стипендию, благодаря которой стало возможным написать эту статью. Кроме того, автор благодарен двум анонимным рецензентам, чьи замечания позволили улучшить ее текст. Возможные неточности или ошибки остаются на совести автора.

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2017 г. Принята в печать 20 марта 2018 г.

1. Изучение связи между языком и культурой

Исследование взаимодействия между языком и культурой интенсифицировалось со времен Франца Боаса, Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа, однако консенсуса относительно того, какие особенности отдельных языков могут объясняться культурными (и, шире, экстралингвистическими) причинами, до сих пор не достигнуто. Единственной областью языка, проницаемость которой для влияния культурных факторов обычно не подвергается сомнению, оказывается лексика (при этом взаимосвязь может быть весьма нетривиальной, как, например, корреляция между особенностями содержания домашних животных и системой специальных терминов для обращения к ним, наблюдаемая в языках юго-западной Амазонии (Dienst, Fleck, 2009, p. 229–231); см. также подборку примеров в работе Марселя Данези (Danesi, 2004, p. 140–146)). Не предпринимается попыток объяснять культурными причинами факты из области фонетики и фонологии, что неудивительно: эти уровни языка не вовлекают наделенных значением единиц¹.

Менее прозрачна ситуация с морфологией, синтаксисом, структурой дискурса. Несмотря на то, что гипотезы о культурных коррелятах синтаксических и морфосинтаксических явлений эпизодически выдвигаются (помимо обсуждаемой в настоящем выпуске гипотезы Дэниела Эверетта, можно вспомнить экзотическую попытку объяснить существование конструкций с эргативным строем в языках семьи *же* проактивностью и целеустремленностью носителей этих языков (Kracke, 2009)), подобные построения обычно не рассматриваются научным сообществом за отсутствием способа доказать существование причинно-следственной связи.

В отличие от многих других регионов мира, в Бразилии этнолингвистический подход к исследованию местных языков весьма силен². Во многом это обусловлено тем фактом, что индейские языки используются практически исключительно в деревнях с традиционным укладом жизни; принятие западных культурных норм, как правило, влечет за собой переход сообщества на португальский язык. В этой связи не подвергается никаким сомнениям невозможность существования

¹ Согласно некоторым авторам (ср. Everett, 2013), можно установить корреляцию между определенными особенностями инвентарей фонем и географическими условиями области распространения языков (но не элементами культуры). Впрочем, часть научного сообщества к подобным утверждениям относится скептически, указывая на статистические проблемы в интерпретации данных (Hammarström, Güldemann, 2014, p. 90, footnote 2). Кроме того, существование корреляции еще ничего не говорит о наличии или о направлении причинно-следственных связей; подробнее об этом виде ошибок в лингвистических исследованиях см. работу Шона Робертса и Джеймса Винтерса (Roberts, Winters, 2013).

² Огромное влияние на формирование современной парадигмы гуманитарных исследований в Бразилии оказал неозволюционист Дарси Рибейру (1922–1997). В последние годы заметен расцвет исследований, ориентированных на сохранение традиционного знания коренных народов Бразилии, в противовес исследованиям, выполняемым в западной (колониальной) научной парадигме; о конфликте этих двух подходов в полевой лингвистике см. в работе Керен Райс (Rice, 2012, p. 425–427).

языка вне культуры, и язык может рассматриваться даже как *собственность* пользующегося им народа (о последствиях этого явления, типичного для обеих Америк, для полевого лингвиста на примере нинличского диалекта русского языка см. (Кибрик, 1998, с. 36–37)). Кроме того, полевая работа лингвиста, как правило, подразумевает его длительное проживание в деревне в т. н. *индейской территории* (бразильский аналог резерваций), вследствие чего погружение лингвиста в быт и реалии носителей языка неминуемо. Все это делает рассуждения о культурных истоках языковых явлений привлекательными для значительной части бразильской академической среды³. Тем не менее формальный аппарат, который бы позволил доказывать гипотезы о культурной природе лингвистических феноменов (или хотя бы оценивать вероятность того, что их причина действительно в культурных факторах), до сих пор не был разработан.

2. Верификация гипотезы о принципе непосредственности восприятия

На фоне других гипотез о связи культуры и языка выделяется обсуждаемая в настоящем выпуске гипотеза Дэниела Эверетта (Everett, 2005), интересная тем, что предполагает целый комплекс лингвистических последствий одного и того же экстралингвистического фактора. Хотя общепринятой методологии верификации гипотез о связи языка и культуры не существует, представляется, что гипотеза, основанная на системе предпосылок, предлагает простор для значительно более богатого обсуждения, чем в случае с гипотезами, основанными всего на одной предпосылке.

Другой особенностью гипотезы Д. Эверетта является экстракультурный характер постулируемого им принципа: хотя его следствия можно, согласно Д. Эверетту, зафиксировать в языке и в культуре, предполагаемые им когнитивные ограничения не поддаются наблюдению, а могут быть установлены только опосредованно.

Критики гипотезы о существовании принципа непосредственности восприятия (далее ПНВ) в языке и культуре пираха пользуются обеими особенностями, ставя под сомнение как весь комплекс языковых фактов, привлекаемых Д. Эвереттом, так и само существование культурных особенностей, ассоциируемых с ПНВ. Часть критики обращена на саму связь между ПНВ и особенностями языка пираха: утверждается, что ПНВ в оригинальной формулировке не предсказывает особенностей, описанных Д. Эвереттом для языка пираха.

³ Например, в работе Аны Суэлли Кабрал с коллегами (Cabral et al., 2015) предпринимается попытка идентифицировать культурные факторы выбора грамматического рода в аравакском языке маншинеры. Автору настоящей статьи неоднократно приходилось сталкиваться с мнением, согласно которому несуществование квантификатора со значением 'все' в некоторых языках тупи-гуарани объясняется отсутствием иерархических отношений в сообществах носителей этих языков (несмотря на расхожесть этого мнения, видимо, оно не отражено ни в одной опубликованной работе).

Ниже кратко пересказывается дискуссия о языковых особенностях пираха, инициированная Эндрю Невинсом, Дэвидом Песецки и Силени Родригис в 2009 году; достоверность постулируемых Д. Эвереттом культурных особенностей обсуждается Невинсом и коллегами отдельно (Nevins et al., 2009a).

2.1. Релевантные особенности языка пираха

Согласно гипотезе Д. Эверетта (Everett, 2005), ПНВ в языке пираха проявляется в виде ряда синтаксических и лексических ограничений, обсуждаемых в подразделах 2.1.1–5.

2.1.1. Вложенные конструкции. Самым сильным тезисом Д. Эверетта стало утверждение об отсутствии в языке пираха вложенных конструкций. Ограничение затрагивает только конструкции одного и того же типа (Everett, 2005, p. 622) — посессивная конструкция не может быть вложена в посессивную конструкцию (запрет на нанизанные посессивы), а предложение не может быть вложено в предложение (запрет на придаточные предложения). Как указывают Невинс, Песецки и Родригис, определение, данное Д. Эвереттом вложенным конструкциям, страдает от нескольких неоднозначностей. Основываясь на аргументации и примерах из работы Д. Эверетта (Everett, 2005), эти авторы предлагают уточнить формулировку его тезиса следующим образом:

«Составляющая α в пираха может доминировать над составляющей β только в одном из следующих случаев: (1) если α и β принадлежат к разным синтаксическим категориям (в грубом определении) или (2) если β состоит из одного слова» (Nevins et al., 2009a, p. 362).

Таким образом, предполагаемый Д. Эвереттом запрет на вложенные конструкции не подразумевает любых проявлений рекурсии, которая, согласно современным положениям порождающей грамматики (Chomsky, 1995; 1999), проявляется в том числе в способности составляющих итеративно склеиваться в предложения (операцию склеивания составляющих называют *Merge*). Если бы в языке пираха существовал запрет на рекурсию (такая формулировка предлагается в следующем ответе Эверетта (Everett, 2006)), то порождающая грамматика в ее текущем виде не могла бы объяснить, как в этом языке строятся предложения длиной больше двух слов, поскольку, с точки зрения этой теории, для объединения трех (или большего количества) слов в предложение необходимо последовательно применить операцию *Merge* больше одного раза (Nevins et al., 2009a, p. 362, footnote 11). Формулировка гипотезы Эверетта без использования термина «рекурсия», эксплицитно предложенная в работе Ричарда Фатрелла с коллегами (Futrell et al., 2016), снимает несовместимость между этой гипотезой и современной позицией порождающей грамматики.

Вложенные посессивы. Согласно Д. Эверетту, запрет на вложенные конструкции проявляется, в числе прочего, в невозможности поместить в одном высказывании указание на посессора посессора. Так, фразы (1a–b), приведенные ниже, неграмматичны (Everett, 2009, p. 630).

(1) ПИРАХА

a. *kó'oi hoagi kai gáihii 'íga
Ko'ou сын дочь это верно
'Это дочь сына Ko'ou.'

b. *kaóoi 'ígai hoagi kai gáihii 'íga
кто сын дочь это верно
'Это дочь чьего сына?'

c. 'isaabi kai gáihii 'íga. kó'oi hoagi 'aisigi -ai
'Исааби дочь это верно Ko'ou сын тот.же-ауХ
'Это дочь 'Исааби. Сын Ko'ou — он же.'

При этом речь идет не о семантическом запрете: идею вложенного посессора можно выразить в двух предложениях, то есть паратактически (Everett, 2009, там же), как в примере (1c) ниже.

В этой связи не вполне ясно, с какой целью Д. Эверетт среди возможных объяснений называет структуру общества пираха, где все со всеми знакомы⁴. Согласно аргументации Д. Эверетта, носителям не приходится оперировать больше, чем одним уровнем обладания, и необходимость выражать значение посессора посессора избыточна. Можно вообразить, что отсутствие необходимости выражать посессора посессора в естественном дискурсе могло бы привести к семантическому ограничению на возможность выразить эту идею, но пример с паратаксисом показывает, что такого ограничения в пираха нет. Кроме того, более общее ограничение на выражение избыточной или тривиальной информации (имплицитно предлагаемое Д. Эвереттом в рамках рассматриваемого аргумента), как кажется, не было описано ни для одного языка мира, в том числе для пираха.

Помимо проблем, возникающих при попытке объяснить, как вывести сформулированное Д. Эвереттом ограничение на вложение посессивных конструкций из ПНВ в его же формулировке (о которых см. также 2.2.1), Невинс, Песецки и Родригис указывают на следующие факты (Nevins et al., 2009a, pp. 365–369).

Во-первых, синтаксические ограничения, напоминающие описанное Д. Эвереттом, встречаются в других языках, например в немецком. Как показано в примере (2a) ниже, одним из способов выразить принадлежность по-немецки является родительный падеж.

⁴ Невинс, Песецки и Родригис (Nevins et al., 2009a, p. 369) справедливо замечают, что если бы запрет на выражение вложенного посессора мог бы объясняться тем фактом, что все пираха знакомы со всеми пираха, то ожидалось бы, что и любое выражение обладания (в том числе не вложенного, как 'сын Ko'oi') оказалось бы неграмматичным. Кроме того, рассматриваемый аргумент Д. Эверетта никак не объясняет, почему данное синтаксическое ограничение должно распространяться на вложенные посессивные конструкции с вершинами, обозначающими неодушевленный денотат ('каноз сына Ko'oi', 'волосы сына Ko'oi' и т. п.).

(2) НЕМЕЦКИЙ

- a. [Hans-ens [Auto]]
Ганс-GEN машина
'машина Ганса'

Однако конструкцию с использованием родительского падежа нельзя использовать рекурсивно (Roepfer, Snyder, 2005, p. 162): пример (2b) ниже неграмматичен.

- b. *[Hans-ens [Auto-s [Motor]]]
Ганс-GEN машина-GEN мотор
'мотор машины Ганса'

Это ограничение затрагивает только конструкцию с родительным падежом: синонимичные предложения с использованием других конструкций, как (2c-d), грамматичны.

- c. [Motor [von [Hans-ens] Auto-Ø]]
мотор из Ганс-GEN машина-DAT
'мотор машины Ганса'

- d. [Motor [des Auto-s [von Hans-Ø]]]
мотор DEF.N.GEN машина-GEN из Ганс-DAT
'мотор машины Ганса'

Тот факт, что значение вложенной принадлежности в немецком языке может быть выражено другими способами, говорит о том, что в этом случае речь идет не о семантическом, а о синтаксическом ограничении.

Д. Эверетт (Everett, 2009) отмечает, что существование подобных ограничений в других языках не может быть аргументом против признания существования ПНВ для пираха, так как одно и то же явление может быть следствием разных принципов, имеющих различную природу⁵. Кроме того, он подчеркивает, что ситуация в немецком языке не идентична ситуации в пираха, поскольку в пираха, согласно его данным, запрещено не только преноминальное, но и любое адноминимальное выражение посессора второго уровня.

Более сильная критика позиции Д. Эверетта о вложенных конструкциях была предложена Райани Саллис (Salles, 2015) на основании собственных полевых данных и данных Силени Родригис. Этим исследовательницам удалось элицитировать фразы с несомненными нанизанными посессивами, как в примере (3) ниже.

- (3) ПИРАХА
[[[Iapohen] bai'i] 'apaitai] kobiai
Иапохен мать волосы белый
'Волосы матери Иапохена седые.'

⁵ Следует отметить, что признание действительным этого последнего утверждения, заведомо применимого ко всем возможным типологическим аргументам, сделало бы невозможной верификацию положения о ПНВ.

В качестве стимульного материала Саллис использовала фотографии и рисунки (например, фотографию ее свекрови в черной одежде), однако саму процедуру элицитации она описывает не очень подробно. Как бы то ни было, на настоящий момент конструкции со вложенными посессивами были обнаружены только в элицизированной, но не в естественной речи (Furtell et al., 2016).

Кроме того, возможно, что наблюдавшиеся до сих пор сложности с элицитацией вложенных посессивных конструкций связаны с недостаточным пониманием исследователями синтаксиса посессивных конструкций языка пираха. Согласно новейшим полевым данным Райани Саллис (личное сообщение), носители пираха охотнее признают грамматичность посессивных конструкций (как простых, так и вложенных), если их вершина сопровождается показателем третьего лица, как в примере (4).

- (4) ПИРАХА (Райани Саллис, личное сообщение, 2018)
[[[Hiahoái] hi má'i] 'i 'apaitai] koobiái
Хиахоаи, 3_i мать, 3_f, волосы белый
'Волосы матери Хиахоаи седые.'

Таким образом, вероятно, что проблемы с идентификацией вложенных посессивных конструкций в предшествующих исследованиях пираха возникли только потому, что до сих пор исследователи упускали из виду возможность существования в этом языке конструкций с обязательным вершинным маркированием.

Придаточные предложения. Одним из важнейших подтипов вложенных конструкций являются придаточные предложения. Рассматривая приложения типа (5a-b), Д. Эверетт (Everett, 2005, p. 629) отвергает возможность анализировать их как сложноподчиненные.

- (5) ПИРАХА (Everett, 1986, p. 222; 2005, p. 629)
a. hi 'ob-áa'ái kahaí kai-sai
он(а) знать-INTNS стрела делать-NMLZ⁶
'Он(а) действительно умеет делать стрелы.'
b. 'Oogíái hi 'ob-áa'ái 'apaitísi
'ohoai-sai hiaitíhi 'igiábi-koí
'Оогиаи он(а) знать-INTNS язык пираха
говорить-NMLZ пираха как люди-EMPH
'Оогиаи действительно умеет говорить на языке пираха, как индейцы пираха.'

Аргументация Д. Эверетта в статье 2005 года (Everett, 2005) основывается на том, что обычный порядок слов в пираха — SOV, и потому интерпретация именных групп kahaí kai-sai и 'apaitísi 'ohoai-sai как сентенциальных актантов глагола 'ob-áa'ái невозможна, так как в таком случае аргумент О должен был бы

⁶ Д. Эверетт глоссирует -sai как 'номинатив (nominative)'. Как отмечают Невинс, Песеcki и Родригис (Nevins et al., 2009a, p. 361; 2009b, p. 673), это следует понимать как опечатку (nominative вместо nominalizer). Правильная глосса встречается, например, в диссертации Эверетта (Everett, 1983).

располагаться между S и V. Вместо этого, как предполагает Д. Эверетт, здесь мы имеем дело с паратаксисом: если *kahai kai-sai* и *'apaitiisi 'ohoi-sai* не могут быть актантами глагола *ob-aa'ai*, то единственным выходом оказывается признать, что это клаузы, никак не зависящие синтаксически от предыдущей. Буквально предложения (5a–b) в трактовке Д. Эверетта можно перевести как 'Он(а) умеет. Изготовление стрел' и 'Оогиаи, он умеет. Говорение на языке пираха. Прямо как пираха'.

Невинс, Песецки и Родригис (Nevins et al., 2009a) высказывают сомнение в оправданности аргументации Д. Эверетта. Они отмечают, что нет ничего необычного в том, чтобы сентенциальные актанты вели себя иначе, чем более обычные именные группы, причем в случаях, когда один тип актантов тяготеет к позиции внутри клаузы, а другой — к концу клаузы, обычно к правому концу клаузы стремится именно сентенциальный актант (Dryer, 1980).

Однако похоже, что в случае пираха важным оказывается не столько тип актанта, сколько его громоздкость. Как замечают Невинс, Песецки и Родригис (Nevins et al., 2009a, p. 374), в более ранней работе (Everett, 1986, p. 206) Д. Эверетт уже установил принцип, который мог бы объяснить поствербальную позицию объекта в примерах типа (5a–b): даже несентенциальные актанты могут сдвигаться вправо, если они содержат больше пяти или шести слогов, как показано ниже в (6a–b).

(6) ПИРАХА (Everett, 1986, p. 222; 2005, p. 629)

a. *ti 'oba-i-sog-abagai* [*hiaitiíhi ti 'ahaigi*]
я видеть-EP-DESID-FRUST.NING пираха я брат
'Я хочу увидеть моих братьев-пираха.'

b. *tiobáhai koho-ái-hiab-a* [*tomáti gihió-kasí*
piáii taí piáii]
ребенок есть-ATEL-NEG-REM помидор вид_фасоли
тоже лист тоже
'Дети не едят помидоры, фасоль или зелень.'

Напротив, достаточно короткий сентенциальный актант, как отмечают Невинс, Песецки и Родригис (Nevins et al., 2009a, p. 375), может оказаться в превербальной позиции, как проиллюстрировано в (6c) ниже⁷.

c. *hi* [*ti 'ap-i-sai*] *'og-i-hiab-a*
он(а) я идти-EP-NMLZ хотеть-EP-NEG-REM
'Он не хочет, чтобы я уходил.'

Таким образом, порядок слов не может служить аргументом против трактовки предложений (5a–b) как сложноподчиненных.

В новейшем анализе (Everett, 2009) Д. Эверетт отказался от того, чтобы интерпретировать *-sai* как номинализатор. Вместо этого он утверждает, что *-sai* обозначает «старую информацию» (гlossа OLD), и приводит примеры, когда показатель *-sai* встречается

ся одновременно с дополнительными показателями, характерными для финитных глаголов (хотя и не со всеми) (7a) или обнаруживается на глаголах в главных предложениях (7b).

(7) ПИРАХА

a. *Kóhoi hi kahai kai-b-íigi-sai*
Кохои он(а) стрела делать-MOVEDOWN-CONT-OLD
'Кохои заканчивает делать стрелы.'

b. *Kóhoi 'ob-aa'ai 'aagi-sai*
Кохои знать-INTNS быть-OLD
'Кохои разбирается в чем нужно.'
(англ. *'Kóhoi really knows his stuff.'*)

Следует отметить, что этих оснований недостаточно, чтобы отказаться от интерпретации *-sai* как номинализатора. Во-первых, финитная морфология в определенных случаях вполне может появляться в номинализациях разных типов; так, в хорошо известном Д. Эверетту португальском языке инфинитив может получать показатели лица и числа субъекта (несовместимые с другими именными формами). Во-вторых, как известно, очень часты ситуации, когда в результате реанализа маркеры нефинитности могут переосмысливаться как показатели других глагольных категорий — прежде всего, времени или аспекта (Gildea, 2008; Castro Alves, 2010). Как бы то ни было, если в будущем подтвердится, что *-sai* действительно маркирует «старую информацию», то аргумент Д. Эверетта в пользу трактовки примеров в (5) с использованием паратаксиса оказывается недействительным, поскольку он основывается на номинальных свойствах составляющих с *-sai* (Nevins et al., 2009b, p. 673–674).

Один из самых надежных способов отличить паратаксис от вложенных предложений, а именно анализ сферы действия отрицания, в случае пираха сталкивается с определенными трудностями. Известно, что отрицание в главном предложении в зависимости от семантического типа предиката может наследоваться придаточными предложениями; при паратаксисе наследования отрицания не ожидается. Релевантных примеров зафиксировано немного; см., однако, пример (8) ниже (Everett, 1986, p. 254).

(8) ПИРАХА

ti 'ibiib-i-hiab-iig-á kahai kai-sai
я приказывать-EP-NEG-CONT-REM стрела делать-NMLZ
'Я не приказываю тебе сделать стрелу.'
или
'Я не позволю тебе сделать стрелу.'

Невинс, Песецки и Родригис (Nevins et al., 2009a, p. 375) считают, что пример (8) убедительно показывает, что словоформа *kai-sai* находится в клаузе, подчиненной глаголу *'ibiib-i-hiab-iig-á*, поскольку на нее распространяется сфера действия отрицания, расположенного в главном предложении. Однако в более поздних работах Эверетт сообщает, что отрицание

⁷ Это наблюдение не настолько сильно, как бы хотелось, поскольку, помимо (6c) (Everett, 1986, p. 278), не зафиксирован ни один другой подтверждающий его пример.

в примере (8) и других похожих примерах распрстраняется только на глагол в главном предложении, и предлагает несколько иной перевод примера (8): «Я не приказываю. Ты делаешь стрелу/стрель». Очевидно, требуется независимое исследование, которое бы специально концентрировалось на сфере действия отрицания главного предложения и связанных с ней семантических явлений, таких как наследование пресуппозиции.

К сожалению, в рамках настоящей статьи нет возможности остановиться на вопросе существования других видов вложенных конструкций, таких как относительные предложения и вопросительные сложноподчиненные предложения, о чем см. в работе Невинса и коллег (Nevins et al., 2009a).

Глагол речи. Упомянутый выше показатель *-sai* (номинализатор или показатель «старой информации» в зависимости от анализа) имеет необычную особенность: как показано в (9) ниже, в предложениях с косвенной речью он присоединяется не к глаголу цитируемой реплики, как можно было бы ожидать от придаточного предложения, а к самому глаголу речи.

(9) ПИРАХА (Everett, 2005, с. 629)

ti gáí-sai Kó'oi hi kaháp-íí

я сказать-NMLZ Ко'ои он(а) уходить-IPENT
'Я сказал, что Ко'ои собирается уйти.'

Согласно Д. Эверетту, поскольку придаточных предложений в пираха не существует, буквально предложение (9) устроено так, как показано в буквальном переводе в (9') ниже.

(9') 'Моя речь. Ко'ои собирается уйти.'

В более поздних работах, как уже было сказано в предыдущем подразделе, Д. Эверетт (Everett, 2009) выступил с гипотезой о том, что на самом деле *-sai* — показатель так называемой «старой информации». В таком случае не вполне ясно, почему глагол речи почти всегда сопровождается показателем «старой информации» и какова точная семантика этого показателя. Как бы то ни было, оба анализа Д. Эверетта предполагают, что «Ко'ои собирается уйти» в примере (9) — это отдельное предложение, никаким образом не связанное синтаксически с предложением, обозначающим речевой акт.

Невинс, Песецки и Родригис (Nevins et al., 2009a, p. 383) предлагают иную, более подтвержденную типологическими параллелями интерпретацию предложений с косвенной речью. Согласно этим авторам, предложения типа (9) содержат нулевую связку, что позволяет интерпретировать косвенную речь как придаточное предложение, как показано в буквальном переводе в (9'') ниже.

(9'') 'Моя речь — что Ко'ои собирается уйти.'

Существование нулевой связки в пираха подтверждается многочисленными примерами, такими как (10).

(10) ПИРАХА (Everett, 1986, p. 205)

giopa'i hi sabi-'i

собака он(а) дикий-EMPH

'Собака действительно дикая.'

Чтобы выяснить, идет ли в этом случае речь о синтаксическом подчинении или паратаксисе (сочинении), лингвист Ули Зауэрланд (Sauerland, 2015) провел следующий эксперимент. Он попросил носителя пираха по имени Тои произнести некоторые фразы (как обычные, например 'Я посеял кукурузу', так и семантически аномальные, заведомо ложные фразы, например 'Я был на Луне'), а другого носителя он попросил произносить предложения вида 'Тои сказал, что...', записав эти реплики на аудио. Затем другим носителям пираха воспроизводили эти записи в разных сочетаниях и попросили их оценить истинность каждой пары высказываний. Часть комбинаций включала верное цитирование обычного высказывания, часть — ложное цитирование обычного высказывания, часть — верное цитирование аномального высказывания, а часть — ложное цитирование аномального высказывания. Например, пара реплик (11) представляет собой пример ложного цитирования обычного высказывания.

(11) Тои: *Я сплю в лодке.*

Второй носитель: *Тои говорит, что он спит на дереве⁸.*

Несмотря на некоторые проблемы с интерпретацией некоторыми носителями поставленного экспериментатором задания (часть носителей регулярно отвечали «да» на все вопросы, тогда как другая часть носителей систематически отвечали «нет»), остальные носители, как правило, успешно идентифицировали верное цитирование как обычных, так и аномальных высказываний (частота ответов, соответствующих ожиданиям экспериментатора, оказалась статистически значимой). По мнению Зауэрланда, такой результат возможен тогда и только тогда, когда предложения с глаголом речи вовлекают синтаксическое подчинение. Следует отметить, что вывод Зауэрланда небесспорен: представляется, что истинностная интерпретация сложных предложений не должна непременно зависеть от наличия отношения синтаксического подчинения между их составляющими.

В завершение этого подраздела следует отметить, что отношение подчинения можно выделять не только на синтаксическом уровне, но и на более высоких уровнях — например, на уровне глобальной структуры

⁸ Следует отметить, что в косвенной речи пираха местоимения, обозначающие участников речевого акта, употребляются так же, как ожидалось бы от дословного цитирования (прямой речи): местоимение первого лица относится к автору цитируемого утверждения, а местоимение второго лица — к его собеседнику. Это явление, известное в литературе как *indexical shift*, отмечено и в других языках, таких как мацес (пано-таканская семья), где это единственный возможный вид косвенной речи (Munro et al., 2012), или грузинский (картвельская семья), где этот способ выражения косвенной речи существует с другими (Aronson, 1990), и не свидетельствует об отсутствии подчинительной связи.

дискурса. Одним из способов формализовать глобальную структуру дискурса является теория риторических структур Уильяма Манна и Сандры Томпсон (Mann, Thompson, 1988), выделяющая около двух десятков возможных типов паратактических (сочинительных) и гипотактических (подчинительных) риторических отношений между пропозициями. Несомненно, в дискурсе пираха нет ограничений на существование гипотактических риторических отношений: даже если принять, что примеры вроде (5a–b) не вовлекают синтаксического подчинения и содержат по две синтаксически независимых друг от друга пропозиции, гораздо сложнее предложить трактовку, в которой бы эти пропозиции не были связаны гипотактическим риторическим отношением⁹.

2.1.2. Квантификация. Д. Эверетт (Everett, 2005) считает одним из следствий ПНВ отсутствие в пираха числительных и счетных слов, полагая, что для того, чтобы оперировать количественными понятиями, необходимо умение обобщать и мыслить абстрактно. Однако он не отрицает наличие в пираха слов вроде *hói* 'небольшое количество', *hoi* 'большое количество', *'ogió* 'все или почти все' и тому подобных; об употреблении таких слов см. подробнее (Frank et al., 2008). Остается не вполне ясным, почему, если ПНВ запрещает выражать точное количество, он же разрешает выражать приблизительное количество (Nevins et al., 2009a, p. 385).

Кроме того, оппоненты Эверетта указывают на то, что в Амазонии известны и другие языки с крайне ограниченными возможностями выражения количества¹⁰, к чему есть все предпосылки: в сообществах охотников-собираателей, до недавнего времени не участвовавших в торговых отношениях с другими сообществами, умение считать или выражать точные количества не обладает несомненной важностью. Таким образом, вероятно, что в этом случае налицо пример культурно-лингвистической связи, который, однако, не имеет никакого отношения к ПНВ.

⁹ Манн и Томпсон не включили отношение цитирования (*Quote*) в список риторических отношений между пропозициями, хотя рассматривали такую возможность (Mann, Thompson, 1988); как отмечает анонимный рецензент, такое отношение было принято и в проекте «Рассказы о свидениях» (Кибрик, Подлеская, 2009). Следует учитывать, что набор риторических отношений во многом произволен и может быть расширен без ущерба для основ теории риторических структур.

¹⁰ Тем не менее следует иметь в виду, что цитируемые Невинсом, Песецки и Родригис со ссылкой на работу Харальда Хаммарстрема (Hammarström, 2006) данные о языках с ограниченными возможностями выражения количества частично основываются на крайне ненадежных первичных источниках. В более надежных источниках числительное '2' зафиксировано в некоторых языках, про которые Х. Хаммарстрем утверждает, что в них нет числительных с точным значением, за исключением '1': джеоромичи (жабути) *dzebo* (Ribeiro, 2008, p. 51), кренак *ngrimbo* (Silva, 1986, p. 36; Pessoa, 2012, p. 221; Seki, 2004, p. 139 и др. источники), тимбира *aj-kʰrut / i-p(i)ja-kʰrut* (Miranda, 2014, p. 152; Popjes, Popjes, 1986, p. 186; Castro Alves, 1999, p. 20; Castro Alves, 2004, p. 86). В языке чикитано не отмечено исконного слова для '2', однако систематически используется испанское заимствование *toş ~ to:ʒ* (диалект ломериано, Sans, 2013, p. 47, 63; Sans, 2010, p. 151; Krüsi, 1978, p. 68) или *to:x* (диалект мигеленьо, полевые материалы автора) без каких бы то ни было намеков на приблизительное значение; в диалекте мигеленьо используются и другие заимствованные из испанского числительные, такие как *saie* '6' (< исп. *seis*), с фонетической адаптацией, характерной для давно усвоенных заимствований.

Впрочем, Д. Эверетт (Everett, 2009) подчеркивает, что совершенно не важно, подтвердится ли уникальность пираха в этой сфере: во-первых, схожие явления могут быть вызваны разными причинами, во-вторых, он и не заявляет, что пираха — единственный язык с ПНВ.

2.1.3. Видо-временная система. Д. Эверетт отмечает (Everett, 2005), что в языке пираха нет не только грамматической формы, которую можно отождествить с перфектом, но и способа выразить перфектное значение. Этой особенности он дает следующее объяснение. В то время как для видо-временных систем других языков оказывается существенным взаимное расположение на временной оси трех моментов (момента речи, момента события и момента текущей релевантности), в грамматике пираха момент текущей релевантности никак не задействован¹¹. Однако такая ситуация наблюдается во многих языках мира, включая литературный русский (Nevins et al., 2009a), и вовсе не обязательно свидетельствует о каких бы то ни было экстралингвистических ограничениях.

Более того, в более поздней работе (Everett, 2009) Д. Эверетт модифицирует свою аргументацию: согласно его новой позиции, ПНВ предсказывает только ограничение на размещение момента текущей релевантности в прошлом или будущем (то есть за пределами непосредственного восприятия). Таким образом, Д. Эверетт все же допускает возможность существования перфекта (но не плюсквамперфекта и не перфекта будущего времени) в пираха и даже приводит один пример, который можно интерпретировать как выражение перфектного значения (Everett, 2009, pp. 415, 429), воспроизведенный в (12) ниже.

(12) ПИРАХА

Kaógiái 'aaboó-p-ái-ta-h-aó
Kaógiái bíiooab-á

Каогиаи вернуться-MOVE-UP-AUX-ITER-INTENT-CMPL
Каогиаи устать-COMPL

'Каогиаи вернулся, Каогиаи устал.'

Заметим, что никаких специальных тестов по поиску форм или конструкций, которыми можно выразить перфектное значение в пираха, не проводилось. Так, значение перфекта будущего времени можно передать по-русски некоторыми громоздкими конструкциями. Например, рассмотрим французское предложение (13) с использованием перфекта будущего времени.

(13) ФРАНЦУЗСКИЙ (личная компетенция)

Tu au-ra-s mang-é-Ø ?
ты AUX-FUT-2SG есть-PTCP-M
'Ты уже поешь (к моменту Т)?'

¹¹ Эту гипотезу Д. Эверетт пытается подкрепить следующим наблюдением: когда пираха смотрят на удаляющуюся лодку, они бурно реагируют в момент ее исчезновения за поворотом реки и говорят: «Лодка исчезла», а когда смотрят на приближающуюся лодку, они ждут, пока она пристанет к берегу, и в этот момент говорят: «Лодка приплыла». Таким образом, для пираха оказывается важным момент изменения состояния. Тем не менее эта аргументация ничего не говорит о моменте текущей релевантности, а только о том, что совпадение момента речи, момента события и момента текущей релевантности частотно в дискурсе пираха.

Это предложение можно в разных прагматических контекстах перевести как ‘Ты успеешь поесть?’, ‘Ты к этому времени уже поешь?’ (ср. *‘Ты уже поешь?’). Очевидно, что такие конструкции значительно менее частотны в естественном русском дискурсе, чем во французском (статистический анализ лежит за пределами этой работы), и нет никаких оснований предполагать, что их нет в пираха. Возможно, они существуют, но настолько редки, что просто не встретились в записанных Д. Эвереттом текстах и не были корректно идентифицированы им в речи носителей за время, проведенное им в поле.

Таким образом, в этом отношении пираха, возможно, ничем не отличается от других языков без перфектной системы.

2.1.4. Цветообозначения. Д. Эверетт, комментируя базисные цветообозначения, отобранные в рамках проекта *World Color Survey* (Kay et al., 2009)¹², отмечает, что все они морфологически производные, как отмечено в (14) ниже, и трактует их не как отдельные лексемы, а как описательные конструкции (Everett, 2005, p. 627).

(14) ПИРАХА

a.	<i>bii-opai</i>	<i>ai</i>
	кровь-грязный	AUX
	‘темный’	
b.	<i>k-obi</i>	<i>ai</i>
	овж-видеть	AUX
	‘светлый’	
c.	<i>bii-sai</i>	
	кровь-NMLZ	
	‘красный/желтый’	
d.	<i>ahoas</i>	<i>aagá</i>
	незрелый	временно
	‘зеленый/синий’	

Однако, как справедливо указывается в (Nevins et al., 2009a), это едва ли свидетельствует о чем бы то ни было, кроме того факта, что у цветообозначений, существующих в пираха, есть прозрачная этимология. Того же мнения придерживается специалист по цветообозначениям Пол Кей (Kay, 2005).

Впрочем, Кей обращает внимание на другую особенность, которая как раз могла бы являться следствием ПНВ: согласно Д. Эверетту, цветообозначения пираха (которые он считает описательными конструкциями) не могут использоваться абстрактно (как во фразе ‘Мне нравится красный цвет’). Действительно, едва ли можно вообразить более подходящий пример непосредственного восприятия, чем цветное зрение, и неясно, как использование цветообозначения для описания цвета конкретного объекта могло бы нарушать ПНВ. Напротив, субстантивированное использование цветообозначений требует способно-

сти обобщать полученный ранее опыт непосредственного восприятия, и вполне можно вообразить, как он может отсекается когнитивным принципом, подобным ПНВ.

2.1.5. Система местоимений. Д. Эверетт (Everett, 2005) отмечает простоту системы местоимений в пираха и предполагает, что, поскольку они заимствованы из одного из языков группы тупи-гуарани, на более раннем этапе в пираха их вообще не было. Что касается последнего утверждения, то следует иметь в виду, что личные местоимения заимствуются в самых разных языках мира (хоть и не очень часто): например, в языке нгбака (группа банда, семья убанги) местоимение 2SG *m̄* заимствовано из одного из языков группы нгбанди (семья убанги) (Бабаев, 2013, с. 73), энецкие местоимения *y* ‘ты’ и *bu* ‘он’ (диалект бай) заимствованы из кетского (Сорокина, Володин, 2014, с. 73), и т.д. Во всех известных случаях заимствованные личные местоимения¹³ вытеснили исконные местоимения, а не появились с целью заполнить имеющуюся лауну.

Под сомнение можно поставить и предполагаемую Д. Эвереттом простоту системы местоимений в пираха. Согласно его анализу, в пираха нет местоимений множественного числа, включая 1PL, а есть только три местоимения: *ti* (1), *gi* (2), *hi* (3). Местоимения множественного числа *ti'aitiso* (1PL), *gi'aitiso* (2PL), *hi'aitiso* (3PL), упоминающиеся в грамматических описаниях других авторов (например, (Sheldon, 1988)), встречаются и в работах Д. Эверетта, однако он глоссирует их иначе, как показано в (15) ниже.

(15) ПИРАХА

a.	<i>ti 'aitiso</i>	b.	<i>gi 'aitiso</i>	c.	<i>hi 'aitiso</i>
	1 тоже		2 тоже		3 тоже

Несмотря на глоссу, в переводах конкретных примеров и Д. Эверетт использует местоимение множественного числа, как в примере (16) (Everett, 1986, p. 281).

(16) ПИРАХА

<i>ti 'aitiso 'is</i>	<i>ohoa-i-hai</i>
1 тоже	еда искать-PROX-REL.CERT
‘Мы будем искать еду.’	

В этом смысле остается неясным, чем местоименная система пираха отличается от систем местоимений, представленных в таких языках, как апинаже (группа же, семья макро-же), где для различения числа личных местоимений используются клитики

¹³ Необходимо подчеркнуть, что здесь речь идет только об «универсальных» местоимениях 1(SG) и 2(SG). Анонимный рецензент отмечает, что голландский язык в Средние века заимствовал из немецкого рефлексивное местоимение *zich*, причем исконное германское местоимение было ранее утрачено в голландском. К этому можно добавить и другие примеры заимствований местоимений вместе с соответствующими категориями — так, в аравакском языке мавайяна имеется местоимение 1EXCL *amna*, заимствованное из карибского языка вайвай вместе с нехарактерной для аравакских языков категорией кляузности (Carlin, 2006, p. 320).

wa 'DU' и *mē* 'PL', причем последняя может употребляться не только с местоимениями, а и с именами (Oliveira, 2005, p.172–173). Невинс, Песецки и Родригис (Nevins et al., 2009a, p.391) приводят другой похожий пример, а именно местоименную систему северокитайского языка, где морфема *-men* кодирует множественное число местоимений (она же употребляется с некоторыми одушевленными существительными):

	SG	PL
1	<i>wǒ</i>	<i>wǒmen</i>
2	<i>nǐ</i>	<i>nǐmen</i>
3	<i>tā</i>	<i>tāmen</i>

Что же касается низкой частотности анафорического местоимения в пираха (Everett, 2005), то едва ли пираха сильно отличается в этом отношении от многих других языков Южной Америки и мира. Так, в диалекте апаньекра языка тимбира (группа *же*, семья макро-*же*) единственное местоимение третьего лица *ke* вообще не может использоваться анафорически (Castro Alves, 2004, p.82); значение третьего лица в этом языке выражается только личными маркерами.

Наконец, как указывают Невинс, Песецки и Родригис (Nevins et al., 2009a, p.390), даже если бы в пираха не существовало местоимения 1PL — что, в самом деле, нарушало бы универсалию о существовании по крайней мере местоимений 1SG, 1PL, 2(SG), 3(SG) (Ingram, 1978, p.227), — неясно, как такое нарушение может следовать из ПНВ.

2.2. ПНВ и язык

В этом разделе кратко пересказывается обсуждение связанных с ПНВ проблем, отличных от интерпретации и корректности языковых данных языка пираха.

2.2.1. Связь между ПНВ и языковыми фактами. Даже если не обращать внимания на вероятные ошибки и неточности в анализе пираха, предложенном Д. Эвереттом, остается неясной другая важная составляющая его гипотезы, а именно сама связь между ПНВ и постулируемыми им синтаксическими и лексическими ограничениями. Д. Эверетт (Everett, 2005, p.622) утверждает, что в соответствии с грамматикой пираха невозможно сообщить более чем об одном событии в одном высказывании, поскольку для носителей пираха, согласно ПНВ, актуален только их непосредственный опыт (опыт самого говорящего или опыт, пересказанный другим живым человеком).

Как отмечают Невинс, Песецки и Родригис (Nevins et al., 2009a), это рассуждение неверно: ПНВ не объясняет, почему одно высказывание не может содержать информацию о двух (или более) событиях, каждое из которых находится в рамках непосредственного опыта говорящего. Например, такое предложение, как «X сказал, [что приближается лодка]», не нарушает ПНВ в формулировке Эверетта: можно допустить, что говорящий мог присутствовать при речевом акте X (непосредственный опыт №1), а о приближающейся лодке говорящему сооб-

шил живой человек (непосредственный опыт №2). Таким образом, ограничение на количество событий, которое может быть выражено в одном высказывании, не следует из ПНВ.

Кроме того, даже при предположении, что формулировку ПНВ можно модифицировать так, чтобы из нее следовало ограничение на количество событий в предложении, более общее ограничение на существование вложенных конструкций не получает никакого объяснения. Так, например, в случае названных посессивов выражение дополнительного посессора не приводит к увеличению количества событий: хотя в предложении «В каноэ [моего брата] нашлась пробоина» есть вложенная конструкция, речь в нем идет только об одном событии (Nevins et al., 2009a, p.364).

Очевидно, что для устранения двух аргументов, приведенных выше, необходимо или изменить саму формулировку ПНВ, или уточнить механизм, при помощи которого ПНВ вызывает запрет на вложенные конструкции в пираха (при условии, что вложенных конструкций в пираха действительно нет).

2.2.2. Последствия ПНВ для Универсальной Грамматики. Д. Эверетт указывает, что лингвистические проявления ПНВ несовместимы с одним из основных положений Универсальной Грамматики — о наличии в человеческом языке рекурсивных механизмов порождения предложений. Даже если оставить за рамками этого утверждения положение о том, что более мелкие составляющие рекурсивно склеиваются в более крупные составляющие с помощью операции *Merge* (о чем см. 2.1.1), с генеративистской точки зрения сам факт присутствия рекурсивных механизмов в человеческой языковой способности (*faculty of language*) еще не значит, что эти механизмы непременно будут реализоваться в дискурсе. Как заявил Ноам Хомский газете *Folha de São Paulo*,

«Эверетт надеется, что читатели не разберутся, чем отличается Универсальная Грамматика в техническом смысле (теория о врожденной составляющей человеческого языка) и в неформальном смысле — описание свойств, присущих всем языкам мира. Носители пираха генетически принципиально не отличаются от нас, и дети пираха учат человеческий язык совершенно нормальным образом. Но что, если бы и не могли? Представим, что мы обнаружили сообщество, в котором все ползают вместо того, чтобы ходить, так что дети, выросшие в этом сообществе, вероятнее всего, тоже будут только ползать. Все это не давало бы никакой дополнительной информации о генетических особенностях этого сообщества». *Folha de São Paulo* (1 февраля 2009 г.)¹⁴

Формально это заявление безупречно, однако оно страдает от той же проблемы, что и попытки Д. Эверетта обесценить типологическую критику его данных: если утверждение о существовании универсального ненаблюдаемого принципа иммуно по отношению

¹⁴ Заявление Хомского доступно [онлайн](#).

к негативным данным, то оно перестает быть верифицируемым и оказывается за пределами возможностей научного обсуждения¹⁵.

3. О пределах возможностей в исследовании языков монолингвальных сообществ

Большинство лингвистов, занимающихся дескриптивной полевой работой, используют в работе с консультантами язык, отличный от исследуемого (русский в случае с малыми языками России, португальский в случае с исконными языками Бразилии и т. д.).

Нередко лингвисты возвращаются из поля, вообще не овладев исследуемым языком. Так может происходить по разным причинам: в частности, из-за отсутствия материалов, по которым лингвист мог бы подготовиться к полевой работе (Everett, 2001), из-за необходимости затрачивать время и усилия на изучение местного контактного языка (Newman, Ratliff, 2001) или в ситуациях, когда использование исследуемого языка человеком, не принадлежащим сообществу, по каким бы то ни было причинам неуместно (Mufwene, 1993). Тем не менее в настоящее время большинство антропологов и дескриптивных лингвистов указывают на чрезвычайную важность практического овладения исследуемым языком (ср. Boas, 1911; Dixon, 2007; Moore, 2009)¹⁶.

Практическое владение исследуемым языком дает лингвисту следующие преимущества (Sarvasy 2015, p. 473–474): (1) снижение интерференции контактного языка, (2) обеспечение исследователя языковым чутьем, полезным для идентификации возможных новых направлений для исследования, (3) доступ к самым компетентным носителям, которые нередко не владеют контактным языком, (4) расширение возможностей по идентификации аграмматичных высказываний, (5) более прозрачная демонстрация намерений исследователя носителям языка, (6) снижение разницы в статусе между исследователем и носителями языка, (7) уточнение переводов записываемых текстов, (8) возможность идентификации неожиданных конструкций в спонтанной речи носителей языка, (9) снижение возможного влияния присутствия исследователя на языковое сообщество и (10) учащение ситу-

аций, благоприятствующих порождению носителями языка спонтанных текстов.

Следует отметить, что в случае такого преимущественно моноязычного сообщества, как пираха, пункты (2–4) и (7–8) оказываются особенно значимыми. Исследователь, имеющий возможность не использовать при работе с пираха португальский язык, оказывается в заведомо выигрышном положении по сравнению с исследователями, вынужденными прибегать к использованию *лингва франка*. Помимо прямых следствий отсутствия преимуществ (2–4) и (7–8), ожидается, что не владеющий языком пираха исследователь столкнется с серьезными трудностями в постановке задач перед консультантами из-за языкового барьера; так, Ули Зауэрланду (Sauerland, 2015) пришлось отфильтровать данные, полученные от консультантов, не понявших задуманной им формулировки задания.

Не стоит пренебрегать и важностью пункта (9). Маловероятно, чтобы присутствие (особенно кратковременное) исследователей в сообществе пираха могло оказать сколько-нибудь значительное влияние на культуру и язык пираха, однако в последние десятилетия контакт пираха с другими этническими группами (в первую очередь с городскими бразильцами и с индейцами паринтинтин) непрерывно интенсифицируется. До 1985 года обширная территория вдоль реки Маиси контролировалась добывавшими бразильский орех коммерсантами. В результате вмешательства государственной организации FUNAI (Национальный фонд индейцев) и, с 1991 года, организации *Cimi* (Миссионерский совет по индейцам) пираха восстановили доступ к этой территории и на сегодняшний день занимаются на ней добычей бразильского ореха, который они обменивают на муку, одежду и инструменты с местными коммерсантами через посредничество *Cimi*¹⁷. Некоторые исследователи, убежденные в реальности влияния культуры на язык (например, специалист по токантинскому диалекту языка ава-канойру Ариэл Феула ду Коуту и Силва, личное сообщение), предсказывают, что возникающая контактная ситуация может привести к изменениям в культуре, которые, в свою очередь, могут повлиять на язык. Согласно этой точке зрения, исследователи, намеревающиеся работать с пираха в дальнейшем, могут застать язык в состоянии, уже изменившемся под действием указанных факторов по сравнению с состоянием, зафиксированным Эвереттом, и в таком случае его утверждения вообще нельзя подтвердить или опровергнуть.

4. Заключение

Гипотеза, выдвинутая Д. Эвереттом, основывается в числе прочего на множестве языковых данных, которые, по мнению автора гипотезы, складываются в стройную картину и могут быть объяснены воздействием одного фактора. В подразделе 2.1 резюмирована аргументация скептиков, сомнеющихся в корректности описания и анализа языковых данных Д. Эвереттом. В подразделе 2.2 приводятся доводы, критикующие

¹⁵ С точки зрения анонимного рецензента, «довод Хомского относительно особенностей УГ в техническом смысле не вполне „иммунен“ по отношению к негативным данным. Например, если бы в каком-то человеческом языке предложения могли состоять не больше чем из 15 слов, идея рекурсивности структуры оказалась бы опровергнутой». По нашему мнению, даже такую гипотетическую ситуацию оказалось бы возможным примирить с положениями Хомского о рекурсивности, предполагая, к примеру, что составляющие могут бесконечно рекурсивно склеиваться в любом языке, однако в этом отдельно взятом языке такая возможность по каким бы то ни было причинам не реализуется.

¹⁶ Противоположная точка зрения высказывается, например, в работе Маргарет Мид (Mead, 1939). Согласно Мид (Mead, 1939), для полевой работы достаточно минимальных практических знаний изучаемого языка, и традиционный метод — использование лингва-франка — справляется со своей задачей.

¹⁷ По информации портала Социоамбиентального института (*Instituto Socioambiental*).

архитектуру культурно-лингвистической связи, постулируемой Д. Эвереттом. На взгляд автора настоящей статьи, большинство из пересказанных в разделе 2 аргументов обладают достаточной силой, чтобы считать гипотезу о каузальной связи между ПНВ и языковыми особенностями пираха опровергнутой.

Тем не менее отдельные языковые факты пираха (такие как ограничение на абстрактное употребление цветообозначений) представляются необычными и должны быть исследованы более подробно. Больше внимания должно быть уделено и структуре дискурса пираха, а также прагматическим особенностям, характеризующим использование этого языка его носителями. По причинам, перечисленным в разделе 3, крайне желательно, чтобы дальнейшие полевые исследования пираха проводились с минимальным использованием португальского языка.

Литература

- Бабаев К. В. Нигеро-конголезский праязык. Личные местоимения. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Кибрик А. А. Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинилчик (Аляска) // Язык. Африка. Фульбе. Сборник научных статей в честь Антонины Ивановны Коваль / Под ред. В. Ф. Выдрина, А. А. Кибрика. СПб.; М.: Европейский дом, 1998. С. 36–52.
- Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Сорокина И. П., Володин А. П. Категория личной принадлежности в самодийских языках // Вопросы уралистики 2014. Научный альманах / Под ред. С. Мызникова. СПб.: НесторИстория, 2014. С. 32–85.
- Aronson H. I. Georgian: A reading grammar. Bloomington: Slavica Publishers, Inc, 1990.
- Boas F. Introduction // Handbook of American Indian languages / F. Boas (Ed.). Washington, DC: Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, 1911. P. 1–83.
- Cabral A. S. A. C., Manchinery L. A., Couto F. P., Manchineri M. S. S. Bases culturais para atribuição de gênero em Manxineru // Revista Brasileira de Linguística Antropológica. 2015. Vol. 7. No. 2. P. 321–341.
- Carlin E. Feeling the need: The borrowing of Cariban functional categories into Mawayana (Arawak) // Grammars in contact: A cross-linguistic perspective / A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Castro Alves, F. de. Aspectos fonológicos do Apãniekrá (Jê). A Master's Thesis. Universidade de São Paulo, São Paulo, 1999. P. 313–332.
- Castro Alves, F. de. O Timbira falado pelos Canela Apãniekrá: uma contribuição aos estudos da morfossintaxe de uma língua Jê. PhD dissertation. Universidade Estadual de Campinas, Campinas, 2004.
- Castro Alves F. d. Evolution of Alignment in Timbira // International Journal of American Linguistics. 2010. Vol. 76. No. 4. P. 439–475. doi:10.1086/658054
- Chomsky N. The minimalist program (Current studies in linguistics). Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Chomsky N. Derivation by phase. Cambridge, MA: MIT Press, 1999.
- Danesi M. A basic course in anthropological linguistics. Toronto: Canadian Scholars' Press Inc, 2004.
- Dienst S., Fleck D. W. Pet vocatives in Southwestern Amazonia // Anthropological Linguistics. 2009. Vol. 51. No. 3–4. P. 209–243. doi:10.1353/anl.2009.0001
- Dixon R. M. W. Field linguistics: A minor manual // Focus on: Linguistic Fieldwork. Special issue of Sprachtypol. Univ. Forsch. (STUF). 2007. Vol. 60. No. 1. P. 12–31. doi:10.1524/stuf.2007.60.1.12
- Dryer M. S. The positional tendencies of sentential noun phrases in universal grammar // Canadian Journal of Linguistics/Revue Canadienne de Linguistique. 1980. Vol. 25. No. 2. P. 123–196. doi:10.1017/s0008413100009373
- Everett C. Evidence for direct geographic influences on linguistic sounds: The case of ejectives // PLoS One. 2013. Vol. 8. No. 6. P. e65275. doi:10.1371/journal.pone.0065275
- Everett D. A língua Pirahã e a teoria da sintaxe: Descrição, perspectivas e teoria. PhD dissertation. Universidade Estadual de Campinas, 1983.
- Everett D. L. Pirahã // Handbook of Amazonian languages / D. C. Derbyshire, G. K. Pullum (Eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1986. P. 200–326.
- Everett D. L. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language // Current Anthropology. 2005. Vol. 46. No. 4. P. 621–646. doi:10.1086/431525
- Everett D. L. Reply to Bambini, Gentili and Pietrini // Current Anthropology. 2006. Vol. 47. P. 147–144. doi:10.1086/498952
- Everett D. L. Pirahã culture and grammar: A response to some criticisms // Language. 2009. Vol. 85. P. 405–442. doi:10.1353/lan.0.0104
- Frank M. C., Everett D. L., Fedorenko E., Gibson E. Number as a cognitive technology: Evidence from Pirahã language and cognition // Cognition. 2008. Vol. 108. No. 3. P. 819–824. doi:10.1016/j.cognition.2008.04.007
- Futrell R., Stearns L., Everett D. L., Piantadosi S. T., Gibson E. A corpus investigation of syntactic embedding in Pirahã // PLoS One. 2016. Vol. 11. No. 3. P. e0145289. doi:10.1371/journal.pone.0145289
- Gildea S. Explaining similarities between main clauses and nominalized phrases // Amerindia. 2008. Vol. 32. P. 57–75.
- Hammarström H. Rarities in numeral systems // Paper presented at Rara & Rarissima: Collecting and interpreting unusual characteristics of human languages. Leipzig: 2006.
- Hammarström H., Güldemann T. Quantifying geographical determinants of large-scale distributions of linguistic features // Language Dynamics and Change. 2014. Vol. 4. No. 1. P. 87–115. doi:10.1163/22105832-00401002
- Ingram D. Typology and universals of personal pronouns // Universals of human language, vol. 3: Word structure / J. H. Greenberg (Ed.). Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. P. 213–247.
- Kay P. Commentary on Everett (2005) // Current Anthropology. 2005. Vol. 46. No. 4. P. 636–637.
- Kay P., Berlin B., Maffi L., Merrifield W. R., Cook R. The world color survey. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information, 2009.
- Kracke W. Two ergativities and their cultural correlates // Revista Brasileira de Linguística Antropológica. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 13–25.
- Krüsi M., Krüsi D. Phonology of Chiquitano. Work papers of the Summer Institute of Linguistics. Riberalta: Summer Institute of Linguistics, 1978.
- Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization // Text. 1988. Vol. 8. No. 3. P. 243–281. doi:10.1515/text.1.1988.8.3.243
- Mead M. Native languages as fieldwork tools // American Anthropologist. 1939. Vol. 41. No. 2. P. 189–205. doi:10.1525/aa.1939.41.2.02a00010
- Miranda M. G. Morfologia e morfossintaxe da língua Krahô (família Jê, tronco Macro-Jê). PhD dissertation. Universidade de Brasília, 2014.
- Moore L. C. On communicative competence in the field // Language and Communication. 2009. Vol. 29. No. 3. P. 244–253. doi:10.1016/j.langcom.2009.02.006
- Mufwene S. Investigating Gullah: Difficulties in ensuring “authenticity” // Language variation in North American English: Research and teaching / A. W. Glowka, D. M. Lance (Eds.). New York, NY: Modern Language Association, 1993. P. 178–190.
- Munro R., Ludwig R., Sauerland U., Fleck D. W. Reported speech in Matsigenka: Perspective persistence and evidential narratives // International Journal of American Linguistics. 2012. Vol. 78. No. 1. P. 41–75. doi:10.1086/662637

Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Pirahã exceptional-ity: A reassessment // *Language*. 2009a. Vol. 85. No. 2. P. 355–404. doi:10.1353/lan.0.0107

Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Evidence and argumen-tation: A reply to Everett (2009) // *Language*. 2009b. Vol. 85. No. 3. P. 671–681. doi:10.1353/lan.0.0140

Newman P., Ratliff M. Introduction // *Linguistic fieldwork / P. Newman, M. Ratliff (Eds.)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 1–14.

Oliveira C. C. de. The language of the Apinajé people of Central Brazil. PhD dissertation. University of Oregon, 2005.

Pessoa K. N. Análise fonética e fonológica da língua Krenak e abordagem preliminar de contos Botocudo. PhD disser-tation. Universidade Estadual de Campinas, 2012. URL: http://repositorio.unicamp.br/bitstream/REPOSIP/270866/1/Pessoa_KatiaNepomuceno_D.pdf.

Popjes J., Popjes J. Canela-Krahô // *Handbook of Amazonian languages / D. C. Derbyshire, G. K. Pullum (Eds.)*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1986. P. 128–199.

Ribeiro M. A. Dicionário Djeoromitxi-Português. Registro da diversidade lingüística do povo Jabuti. A Master's Thesis. Fundação Universidade Federal de Rondônia, Campus de Guajará-Mirim, 2008. URL: <http://livros01.livrosgratis.com.br/cp084588.pdf>.

Rice K. Ethical Issues in Linguistic Fieldwork // *The Oxford handbook of linguistic fieldwork / N. Thieberger (Ed.)*. Oxford; New York, NY: Oxford University Press, 2012. P. 407–429.

Roberts S., Winters J. Linguistic diversity and traffic acci-dents: Lessons from statistical studies of cultural traits // *PLoS One*. 2013. Vol. 8. No. 8. P. e70902. doi:10.1371/journal.pone.0070902

Roeper T., Snyder W. Language learnability and the forms of recursion // *Linguistik Aktuell / Linguistics Today / A. M. Di Sciullo (Ed.)*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 155–169. doi:10.1075/la.75.10roe

Salles R. Understanding recursion and looking for self-embedding in Pirahã. The case of possessive constructions. A Master's Thesis. PUC-Rio, Rio de Janeiro, 2015. doi:10.17771/PUCRio.acad.26480

Sans P. Éléments de sociolinguistique et de phonologie du bésiro (chiquitano). Langue en danger des basses terres de Bolivie. A Master's Thesis. Université Lumière Lyon 2, 2010. URL: http://www.ddl.cnrs.fr/fulltext/Sans/Sans_2010_light.pdf.

Sans P. Elementos de la gramática del Bésiro: Sociolingüística — Fonología — Morfología — Textos. Con la colaboración de: Lucas Chorz Quiviqivi. San Antonio de Lomerío, Bolivia: Laboratoire Dynamique du Language, 2013.

Sarvasy H. Monolingual fieldwork in and beyond the class-room: the Logooli experience at UCLA // *Proceedings of CLS*. 2015. P. 471–484.

Sauerland U. False speech reports in Pirahã: A comprehen-sion experiment // To appear in *Recursion and embedding in Brazilian languages and beyond 2015*. URL: <http://ling.auf.net/lingbuzz/002850>.

Seki L. Aspectos da Morfossintaxe Krenak: Orações Inde-pendentes // *Línguas Indígenas Americanas*. 2004. Vol. 4. No. 1. P. 129–146. URL: <https://periodicos.sbu.unicamp.br/ojs/index.php/liames/article/view/1431/1421>.

Sheldon S. N. Os sufixos verbais Mura-Pirahã // *Série Lingüística*. 1988. Vol. 9. P. 146–175.

Silva T. C. A. de. Descrição fonética e análise de alguns pro-cessos fonológicos da língua Krenák. A Master's Thesis. Universi-dade Federal de Minas Gerais, Belo Horizonte, Brazil, 1986.

discussion

The Immediacy of Experience Principle: A Critical Assessment

Andrey Nikulin

University of Brasília, Brasil

Abstract. In this article, I discuss the hypothesis put forward by Daniel Everett, according to which a certain constraint, known as the Immediacy of Experience Principle, affects the cognition of the Pirahã people. I devote special attention to the linguistic facts that are crucial for the hypothesis under consideration, including those related to the (non)existence of certain types of embedded constructions (such as embedded possessive constructions, dependent clauses and subordinate constructions with a speech verb). I offer a summary of the discussion on certain particularities of the Pirahã grammar and their relation to the principle under consideration, initiated in 2009 by a group of linguists. I also discuss some aspects of carrying out fieldwork in monolingual societies and interpreting the data obtained in these conditions. I conclude that Daniel Everett's argumentation is insufficient to support the validity of the Immediacy of Experience Principle.

Correspondence: Andrey Nikulin, andre.n.guzman@gmail.com, Programa de Pós-Graduação em Linguística (PPGL) — Departamento de Linguística, Português e Línguas Clássicas (LIP) — Instituto de Letras (IL) — Uniniversidade de Brasília (UnB) ICC Sul — B1 72 (mezanino) — Campus Darcy Ribeiro Asa Norte — Brasília, Distrito Federal 70.910-900 Brasil

Keywords: Pirahã, Immediacy of Experience Principle, embedded constructions, recursion, Universal Grammar

Copyright © 2018. Andrey Nikulin. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Note. The article is partially based on an earlier afterword for the Russian translation of Daniel Everett's book: Nikulin, A. (2016). Naskol'ko neobychny yazyk pirakha? [How exceptional is piraha language? Afterword] In D.L. Everett. *Ne spi — krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonsskikh dzhunglei* [Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian Jungle] (P.S. Dronov, I.V. Mokin, E.N. Panov, Trans. into Russian), pp. 325–340. Moscow: LRC Publishers.

Acknowledgements. I am grateful to CAPES (Coordenação de Aperfeiçoamento de Pessoal de Nível Superior) for providing a scholarship that made it possible to carry out the present study. I am also grateful to two anonymous reviewers, whose comments helped improve the final version of this paper. Any remaining errors are my own responsibility.

Received November 17, 2017, accepted March 20, 2018.

References

- Aronson, H.I. (1990). *Georgian: A reading grammar*. Bloomington: Slavica Publishers, Inc.
- Babaev, K.V. (2013). *Nigero-kongolezskii prayazyk. Lichnye mestoimeniya* [Nigero-Congo proto-language. Personal pronouns]. Moscow: LRC Publishers. (In Russian).
- Boas, F. (1911). Introduction. In F. Boas (Ed.), *Handbook of American Indian languages, Vol. 1* (pp. 1–83). Washington, DC: Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology.
- Cabral, A.S.A.C., Manchiniery, L.A., Couto, F.P., & Manchiniery, M.S.S. (2015). Bases culturais para atribuição de gênero em Manxineru. *Revista Brasileira de Linguística Antropológica*, 7(2), 321–341.
- Carlin, E. (2006). Feeling the need: The borrowing of Cariban functional categories into Mawayana (Arawak). In A.Y. Aikhenvald, & R.M.W. Dixon (Eds.), *Grammars in contact: A cross-linguistic perspective* (pp. 313–332). Oxford: Oxford University Press.
- Castro Alves, F.de. (1999). *Aspectos fonológicos do Apãniekrá (Jê)*. Unpublished master's thesis, Universidade de São Paulo. (In Portuguese).
- Castro Alves, F.de. (2004). *O Timbira falado pelos Canela Apãniekrá: uma contribuição aos estudos da morfossintaxe de uma língua Jê*. Unpublished doctoral dissertation, Universidade Estadual de Campinas. (In Portuguese).
- Castro Alves, F.de. (2010). Evolution of alignment in Timbira. *International Journal of American Linguistics*, 76(4), 439–475. [doi:10.1086/658054](https://doi.org/10.1086/658054)
- Chomsky, N. (1995). *The minimalist program (Current studies in linguistics)*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Chomsky, N. (1999). *Derivation by phase*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Danesi, M. (2004). *A basic course in anthropological linguistics. Vol. 2*. Toronto: Canadian Scholars' Press Inc.
- Dienst, S., & Fleck, D.W. (2009). Pet vocatives in Southwestern Amazonia. *Anthropological Linguistics*, 51(3–4), 209–243. [doi:10.1353/anl.2009.0001](https://doi.org/10.1353/anl.2009.0001)

- Dixon, R.M.W. (2007). Field linguistics: A minor manual. *Focus on: Linguistic Fieldwork. Special issue of Sprachtypol. Univ. Forsch. (STUF)*, 60(1), 12–31. doi:10.1524/stuf.2007.60.1.12
- Dryer, M.S. (1980). The positional tendencies of sentential noun phrases in universal grammar. *Canadian Journal of Linguistics/Revue Canadienne de Linguistique*, 25(2), 123–196. doi:10.1017/s0008413100009373
- Everett, C. (2013). Evidence for direct geographic influences on linguistic sounds: The case of ejectives. *PLoS One*, 8(6), e65275. doi:10.1371/journal.pone.0065275
- Everett, D. (1983). A língua Pirahã e a teoria da sintaxe: Descrição, perspectivas e teoria. Unpublished doctoral dissertation, Universidade Estadual de Campinas. (In Portuguese).
- Everett, D.L. (1986). Pirahã. In D.C. Derbyshire, & G.K. Pullum (Eds.), *Handbook of Amazonian languages, Vol. 1*. (pp.200–326). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Everett, D.L. (2005). Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language. *Current Anthropology*, 46(4), 621–646. doi:10.1086/431525
- Everett, D.L. (2006). Reply to Bambini, Gentili and Pietrini. *Current Anthropology*, 47, 147–144. doi:10.1086/498952
- Everett, D.L. (2009). Pirahã culture and grammar: A response to some criticisms. *Language*, 85, 405–442. doi:10.1353/lan.0.0104
- Frank, M.C., Everett, D.L., Fedorenko, E., & Gibson, E. (2008). Number as a cognitive technology: Evidence from Pirahã language and cognition. *Cognition*, 108(3), 819–824. doi:10.1016/j.cognition.2008.04.007
- Futrell, R., Stearns, L., Everett, D.L., Piantadosi S. T., & Gibson, E. (2016). A corpus investigation of syntactic embedding in Pirahã. *PLoS One*, 11(3), e0145289. doi:10.1371/journal.pone.0145289
- Gildea, S. (2008). Explaining similarities between main clauses and nominalized phrases. *Amerindia*, 32, 57–75.
- Hammarström, H. (2006). Rarities in numeral systems. In *Paper presented at Rara & Rarissima: Collecting and interpreting unusual characteristics of human languages* Лейпциг:
- Hammarström, H., & Güldemann, T. (2014). Quantifying geographical determinants of large-scale distributions of linguistic features. *Language Dynamics and Change*, 4(1), 87–115. doi:10.1163/22105832-00401002
- Ingram, D. (1978). Typology and universals of personal pronouns. In J.H. Greenberg (Ed.), *Universals of human language, vol. 3: Word structure* (pp.213–247). Stanford, CA: Stanford University Press.
- Kay, P. (2005). Commentary on Everett (2005). *Current Anthropology*, 46(4), 636–637.
- Kay, P., Berlin, B., Maffi, L., Merrifield, W.R., & Cook, R. (2009). *The world color survey*. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information.
- Kibrik, A.A. (1998). Nekotorye foneticheskie i grammaticheskie osobennosti russkogo dialekta derevni Ninilchik (Alyaska) [Some fonetic and grammatical characteristics of the Russian dialect of Ninilchik village (Alyaska)]. In V.F. Vydrin, & A.A. Kibrik (Eds.), *Iazyk, Afrika, Ful'be. Sbornik nauchnykh statei v chest' AI Koval* [Language. Africa. Fulbe. Paper collection in honor of AI Koval] (pp.36–52). Saint-Petersburg, Moscow: Evropeiskii dom. (In Russian).
- Kibrik, A.A., & Podlesskaya, V.I. (Eds.). (2009). *Rasskazy o snovideniakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa*. Moscow: LRC Publishers. (In Russian).
- Kracke, W. (2009). Two ergativities and their cultural correlates. *Revista Brasileira de Linguística Antropológica*, 1(1), 13–25.
- Krüsi, M., & Krüsi, D. (1978). *Phonology of Chiquitano. Work papers of the Summer Institute of Linguistics*. Riberalta: Summer Institute of Linguistics.
- Mann, W.C., & Thompson, S.A. (1988). Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization. *Text*, 8(3), 243–281. doi:10.1515/text.1.1988.8.3.243
- Mead, M. (1939). Native languages as fieldwork tools. *American Anthropologist*, 41(2), 189–205. doi:10.1525/aa.1939.41.2.02a00010
- Miranda, M.G. (2014). Morfologia e morfossintaxe da língua Krahô (família Jê, tronco Macro-Jê). Unpublished doctoral dissertation, Universidade de Brasília. (In Portuguese).
- Moore, L.C. (2009). On communicative competence in the field. *Language and Communication*, 29(3), 244–253. doi:10.1016/j.langcom.2009.02.006
- Mufwene, S. (1993). Investigating Gullah: Difficulties in ensuring “authenticity”. In A.W. Glowka, & D.M. Lance (Eds.), *Language variation in North American English: Research and teaching* (pp.178–190). New York, NY: Modern Language Association.
- Munro, R., Ludwig, R., Sauerland, U., & Fleck, D.W. (2012). Reported speech in Matsigenka: Perspective persistence and evidential narratives. *International Journal of American Linguistics*, 78(1), 41–75. doi:10.1086/662637
- Nevins, A., Pesetsky, D., & Rodrigues, C. (2009). Pirahã exceptionality: A reassessment. *Language*, 85(2), 355–404. doi:10.1353/lan.0.0107
- Nevins, A., Pesetsky, D., & Rodrigues, C. (2009). Evidence and argumentation: A reply to Everett (2009). *Language*, 85(3), 671–681. doi:10.1353/lan.0.0140
- Newman, P., & Ratliff, M. (2001). Introduction. In P. Newman, & M. Ratliff (Eds.), *Linguistic fieldwork* (pp.1–14). Cambridge: Cambridge University Press.
- Oliveira, C.C.de. (2005). *The language of the Apinajé people of Central Brazil*. Unpublished doctoral dissertation, University of Oregon.
- Pessoa, K.N. (2012). Análise fonética e fonológica da língua Krenak e abordagem preliminar de contos Botocudo. Unpublished doctoral dissertation, Universidade Estadual de Campinas. (In Portuguese). Retrieved from http://repositorio.unicamp.br/bitstream/REPOSIP/270866/1/Pessoa_KatiaNepomuceno_D.pdf.
- Popjes, J., & Popjes, J. (1986). Canela-Krahô. In D.C. Derbyshire, & G.K. Pullum (Eds.), *Handbook of Amazonian languages, Vol. 1*. (pp.128–199). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Ribeiro, M.A. (2008). Dicionário Djeoromitxi-Português. Registro da diversidade lingüística do povo Jabuti. Unpublished master's thesis, Fundação Universidade Federal de Rondônia, Campus de Guajará-Mirim. (In Portuguese). Retrieved from <http://livros01.livrosgratis.com.br/cp084588.pdf>.
- Rice, K. (2012). Ethical Issues in Linguistic Fieldwork. In N. Thieberger (Ed.), *The Oxford handbook of linguistic fieldwork* (pp.407–429). Oxford; New York, NY: Oxford University Press.
- Roberts, S., & Winters, J. (2013). Linguistic diversity and traffic accidents: Lessons from statistical studies of cultural traits. *PLoS One*, 8(8), e70902. doi:10.1371/journal.pone.0070902
- Roeper, T., & Snyder, W. (2005). Language learnability and the forms of recursion. In A.M. Di Sciullo (Ed.), *Linguistik Aktuell/Linguistics Today* (pp.155–169). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. doi:10.1075/la.75.10roe
- Salles, R. (2015). *Understanding recursion and looking for self-embedding in Pirahã. The case of possessive constructions*. Unpublished master's thesis, PUC-Rio. doi:10.17771/PUCRio.acad.26480
- Sans, P. (2010). *Éléments de sociolinguistique et de phonologie du bésiro (chiquitano). Langue en danger des basses terres de Bolivie*. Unpublished master's thesis, Université Lumière Lyon 2. (In Spanish). Retrieved from http://www.ddl.cnrs.fr/fulltext/Sans/Sans_2010_light.pdf.
- Sans, P. (2013). *Elementos de la gramática del Bésiro: Sociolingüística — Fonología — Morfología — Textos. Con la colaboración de: Lucas Chozes Quiquívivi*. San Antonio de Lomerío, Bolivia: Laboratoire Dynamique du Langage. (In Spanish).
- Sarvasy, H. (2015). Monolingual fieldwork in and beyond the classroom: the Logooli experience at UCLA. In *Proceedings of CLS, Vol. 51*. (pp.471–484).
- Sauerland, U. (2015). False speech reports in Pirahã: A comprehension experiment. To appear in *Recursion and embedding in Brazilian languages and beyond*. Retrieved from <http://ling.auf.net/lingbuzz/002850>

- Seki, L. (2004). Aspectos da Morfossintaxe Krenak: Orações Independentes. *Línguas Indígenas Americanas*, 4(1), 129–146. (In Portuguese). Retrieved from <https://periodicos.sbu.unicamp.br/ojs/index.php/liames/article/view/1431/1421>.
- Sheldon, S.N. (1988). Os sufixos verbais Mura-Pirahã. *Série Lingüística*, 9, 146–75. (In Portuguese).
- Silva, T.C.A.de.(1986). *Descrição fonética e análise de alguns processos fonológicos da língua Krenák*. Unpublished master's thesis, Universidade Federal de Minas Gerais. (In Portuguese).
- Sorokina, I.P., & Volodin, A.P. (2014). Kategoriya lichnoi prinalozhnosti v samodiiskikh yazykakh [Category of personal possessiveness in Samoyedic languages]. In S.A. Myznikov (Ed.), *Voprosy uralistiki 2014. Nauchnyi al'manakh [Issues in Uralistics 2014. Paper collection]* (pp.32–85). Saint-Petersburg: NestorIstoriya. (In Russian).